Октябрь, 1900 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ЮЖНОЙ РОССІИ.

СОСТАВЛЕНА

подъ редакціей Н. Бѣляшевскаго.

Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской лавры.

По поводу моей статьи въ іюньской книжкѣ „Кіевск. Старины“ о памятникахъ искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-печерской лаврѣ, появилось въ № 205 „Кіевлянина“ довольно пространное письмо г. Эртеля. Собственно, поводомъ для письма была даже не самая статья, а лишь небольшое примѣчаніе къ ней относительно того, что г. Эртель, въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшемъ происхожденіи памятника кн. К. И. Острожскаго, ссылается на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Тератургимѣ Кальнофойскаго. Теперь оказывается, что г. Эртель совсѣмъ и „не думалъ утверждать, что это (т. е. мнимый рисунокъ надгробія) и есть надгробіе“,—онъ только сказалъ, что „тамъ есть изображеніе надгробнаго памятника“. Отказываюсь разбирать эту игру словъ, но чтобы доказать, насколько основательно мое обвиненіе, постараюсь объяснить при помощи фактовъ. Вотъ мѣсто изъ реферата г. Эртеля, на основаніи котораго я считаю, что онъ сдѣлалъ ссылку на несуществующій рисунокъ надгробнаго памятника. „Надгробіе, существующее теперь, *ничего общаго не имѣетъ съ упомянутымъ рисункомъ* Кальнофойскаго ни по формѣ, ни по стилю. Не значитъ ли это, что и самое надгробіе сдѣлано уже послѣ 1718 года? Во всякомъ случаѣ такой вопросъ можетъ быть возбужденъ съ пол-

нымъ основаніемъ“.[1]) Если г. Эртель „не думалъ утверждать что это и есть надгробіе“, такъ незачѣмъ сравнивать съ существующимъ памятникомъ—это во-первыхъ, а во вторыхъ, не съ чѣмъ и сравнивать, такъ какъ рисунка надгробнаго памятника въ Тератургимѣ все-таки не существуетъ вовсе, не смотря на усилія г. Эртеля доказать противное. Орнаментированная же заставка Тератургимы (родъ высокаго треугольника на узкомъ основаніи, подставка котораго украшена масками и птичьими головками), не даетъ ни малѣйшаго права утверждать, что заставка эта представляетъ собою изображеніе надгробнаго памятника. Справедливость этого положенія станетъ очевидной и безспорной изъ словъ самого-же автора.

Г. Эртель въ своемъ письмѣ, описывая въ назиданіе мнѣ „рисунокъ надгробія“, высказываетъ предположеніе, которое служитъ какъ-бы дальнѣйшимъ развитіемъ только что процитированнаго мною мѣста, что *„форма треугольника* изъ орнаментовъ, включающаго въ себѣ эпитафію (Всевидящее Око?)—*одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, гдѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*“.

Значитъ, свидѣтельство свящ. І. Лукьянова о видѣнномъ имъ въ 1701 г. изваяніи „изъ камене“ фигуры князя К. Острожскаго ничего незначущая мелочь? А между тѣмъ, у Лукьянова, при описаніи надгробія, совершенно ясно сказано, безъ возможности перетолкованія какъ-нибудь иначе—„лежитъ на боку въ латахъ, какъ живой“. Какое же отношеніе можетъ имѣть къ этой фигурѣ, лежащей на боку въ латахъ, такъ понравившійся г. Эртелю „треугольникъ?“ Разумѣется никакого. Г. Эртелю неловко сознаться въ томъ, что онъ сдѣлалъ грубую ошибку, ему во что-бы то ни стало нужно выпутаться изъ затруднительнаго положенія,—вотъ онъ и вздумалъ пристроить на мѣсто монументальнаго памятника „треугольникъ изъ орнаментовъ“, форма

[1]) О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кіево-Печерской лавры— «Труды Кіевской Дух. Академіи», 1897 г. апрѣль.

котораго „одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, *гдѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*“.

Способъ доказательствъ г. Эртеля не вяжется не только съ имѣющимися точными историческими данными о памятникѣ Острожскаго, но въ то же время онъ противорѣчитъ здравому смыслу, потому, что если бы даже не было цѣлаго ряда однородныхъ надгробій, относящихся къ XVI столѣтію, и если бы не было драгоцѣннаго по своей ясности указанія Лукьянова, то и тогда лишено всякаго основанія утвержденіе, что „мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное“, кромѣ треугольника, такъ какъ для существующаго, по прекрасному выраженію Максимовича, величаваго надгробія нашлось-же мѣсто [1]).

Установивши такимъ остроумнымъ образомъ на мѣсто памятника Острожскаго „треугольникъ изъ орнаментовъ“, г. Эртель съ такой-же свободой раздѣлывается со старой живописью Великой лаврской церкви. Вотъ способъ его умозаключеній: „Что касается цѣнности остальныхъ произведеній „искусства“, уничтоженныхъ въ лаврѣ, то эта цѣнность ихъ установлена въ свое время *безповоротно* и достаточно компетентными людьми“...

Кто-же эти „компетентные“ люди, которые взяли на себя неблагодарный трудъ хоронить и смѣшивать съ мусоромъ такія произведенія искусства, какъ единственные въ своемъ родѣ пор-

---

[1]) Въ своей статьѣ я не упомянулъ о времени сооруженія памятника Острожскаго,—оно извѣстно съ точностью изъ эпитафіи этого вельможи, извлеченной изъ рукописнаго сборника конца 17 стол. проф. Н. И. Петровымъ (Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая. К. 1879 г.). «Животъ свой скончалъ, гласитъ эпитафія, у 70 лѣтъ з великою жалостю и плачемъ людскимъ. Здѣ же бысть погребено тѣло его в лаврѣ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ. Гробъ-же сей выбіенъ бысть сыномъ его благовѣрнымъ княземъ Константиномъ во св. Крещеніи Василіемъ Острозкимъ, воеводою Кіевскимъ, Маршалкомъ земли Волынской, старостою Володимерскимъ, и на память его поставися року 1579, мѣсяца августа 7».

треты царей Михаила Θедоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича и Петра I?

При попыткѣ разобраться въ литературѣ, возникшей по поводу уничтоженной лаврской живописи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить работу, которая стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, какъ по своему рѣзко отрицательному тону, такъ и по притязанію на оцѣнку уничтоженной живописи,—я говорю о цитированномъ уже мною рефератѣ г. Эртеля.

Я сказалъ, что работа эта стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, и это безусловно справедливо, такъ какъ всѣ остальныя работы не имѣютъ притязанія на оцѣнку названныхъ произведеній и лишь косвенно относятся къ самой живописи, потому-что центръ тяготѣнія этихъ работъ скорѣе письменные источники, касающіеся исторіи возникновенія живописи, чѣмъ сама живопись. Значитъ, „компетентные люди", имѣвшіе такое безповоротно—рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, не иной кто, какъ самъ г. Эртель со своимъ рефератомъ.

Разъясненіе этого вопроса настолько интересно, что я считаю своей обязанностію остановиться нѣсколько подробнѣе на рефератѣ г. Эртеля. При помощи выдержекъ, читателю станетъ ясна вся неосновательность притязаній г. Эртеля на наименованіе себя компетентнымъ лицомъ въ такомъ серьезномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ безповоротное уничтоженіе памятниковъ; съ другой стороны, какъ неоспоримый противовѣсъ измышленіямъ г. Эртеля, я приведу мнѣнія людей, дѣйствительно компетентныхъ въ этомъ вопросѣ, мнѣнія, какъ увидитъ читатель, совершенно совпадающія въ конечныхъ результатахъ съ моей оцѣнкой уничтоженныхъ предметовъ искусства.

Я сосредоточу вниманіе читателя собственно на сужденіяхъ г. Эртеля о живописи, потому что онѣ-то и составляютъ всю суть его взглядовъ по данному вопросу, все-же остальное, какъ-то: перечисленіе настоятелей лавры, выписки изъ Синопсиса Гизеля и многое другое въ такомъ родѣ, лишено всякаго значенія.

„Въ художественномъ отношеніи, разсуждаетъ г. Эртель, снятыя изображенія ниже всякой критики: грубѣйшія ошибки въ пропорціяхъ, рисункѣ, постановкѣ фигуръ, доходящія до того, что *головы нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы не въ одной плоскости съ туловищемъ*, уродливость позъ, выпяченные впередъ животы, искривленные и совершенно неестественные повороты рукъ—вотъ отличительные признаки живописи, изъ-за которой идетъ столько разговоровъ. Мастеръ, рисовавшій ихъ, былъ не то что неискусенъ—это былъ просто безграмотный маляръ". Все это очевидная неправда. Изданные Е. М. Кузьминымъ портреты служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ—*и головы тамъ въ одной плоскости съ туловищемъ*, и повороты рукъ совершенно естественны, и пропорціи какъ слѣдуетъ, не говоря уже о портретахъ русскихъ государей, и въ особенности о портретѣ Петра I, который долженъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ иконографіи портретовъ царя Преобразователя.

Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній г. Эртель приходитъ къ убѣжденію, что портреты писаны кіевскимъ мастеромъ 70-хъ годовъ 18 столѣтія по имени Захаріей Голубовскимъ [1]). Сдѣлано это, судя по ходу дѣла, съ той цѣлью, чтобы найти лишній предметъ для скучныхъ глумленій и издѣвательствъ. Чтобы окончательно уронить значеніе лаврскихъ портретовъ, г. Эртель беретъ для примѣра совершенно изуродованныя ретушью фотографіи съ портретовъ князей Сангушекъ, Вишневецкихъ и Острожскихъ, и въ выраженіяхъ, которыя обрисовываютъ въ ихъ авторѣ полное незнаніе южнорусскаго костюма XVI—XVII ст., издѣвается надъ тѣмъ, что названные князья одѣты съ царскимъ великолѣпіемъ (какъ будто на медали 16 ст. изъ недавно найденной лаврской казны кн. К. К. Острожскій одѣтъ иначе?),

---

[1]) Читатель помнитъ, что объ этихъ портретахъ есть упоминаніе въ путешествіи Лукьянова еще въ 1701 г. («а въ церкви стѣнное писаніе, говоритъ Лукьяновъ, всѣ князья русскіе написаны»), такъ что объ авторствѣ Голубовскаго въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

наконецъ, съ развязностью говоритъ, что будто „всѣ эти князья совершенно напоминаютъ карточныхъ королей, съ той разницей, что нарисованы они неизмѣримо хуже. Все это, продолжаетъ г. Эртель, отнимаетъ даже надежду предположить, что Захарія Голубовскій имѣлъ подъ руками какіе-либо заслуживающіе вниманія образцы [1]). Онъ писалъ такъ, какъ пишутъ до сихъ поръ наши иконописцы, если можно такъ выразиться, *чисто эмпирически*, что еще болѣе подтверждаетъ ту печать *индивидуальности*, которая лежитъ на его работахъ и отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ художникъ, разъ онъ пишетъ самостоятельно, а не копируетъ съ образцовъ“

Это—центральное мѣсто реферата г. Эртеля и въ то же время самое безсвязное. Г. Эртель совершенно запутался въ своихъ собственныхъ философствованіяхъ. Что значитъ въ данномъ случаѣ выраженіе „чисто эмпирически“? Я убѣжденъ, что дать ему какое-либо объясненіе никто не въ силахъ, не исключая даже самого Эртеля. Что-же касается *печати индивидуальности*, то г. Эртель, самъ того не сознавая, вмѣсто порицанія, высказалъ величайшую похвалу уничтоженной живописи, такъ какъ каждому, серьезно занимающемуся искусствомъ, извѣстно, что только то художественное произведеніе и можетъ имѣть дѣйствительную цѣну, которое художникъ пишетъ *самостоятельно* и на которое онъ, въ силу этой самостоятельности, налагаетъ *печать индивидуальности*—качество, которымъ только лишь и можетъ быть опредѣлена интенсивность взаимоотношенія и внутреннее сродство между творящей личностью и ея произведеніемъ, т. е. самое дорогое во всякомъ художественномъ произведеніи; въ противномъ случаѣ, это будетъ мертвый и безжизненный шаблонъ, чуждый какой-бы то ни было связи съ живымъ искусствомъ.

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Эртель какъ-бы размышляетъ самъ съ собою: «хотя, разумѣется, вполнѣ отрицать этого нельзя. Портретъ П. Могилы имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха». Надо прибавить, что портретъ этотъ одинъ изъ искаженныхъ ретушью, тѣмъ не менѣе, г. Эртель призналъ въ немъ сходство „съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха“.

Приведенныхъ мною выдержекъ достаточно, чтобы показать степень компетентности г. Эртеля.

Перехожу теперь къ мнѣніямъ людей, которые по праву могутъ быть названы компетентными въ данномъ вопросѣ.

Въ 1840 г. кіевскій митрополитъ Филаретъ предпринялъ по собственному почину возобновленіе живописи въ великой лаврской церкви, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе императора Николая I, обратившаго на это поновленіе свое личное вниманіе при посѣщеніи Кіева въ 1842 году. Вслѣдъ за этимъ, въ 1843 г., былъ командированъ по высочайшему повелѣнію для осмотра, какъ новой, такъ и оставшейся нетронутой поновленіемъ живописи, академикъ живописи (впослѣдствіи профессоръ), большой знатокъ стариннаго искусства и очень извѣстный археологъ Ѳ. Г. Солнцевъ. Послѣ внимательнаго обслѣдованія живописи, Солнцевъ далъ такое заключеніе:

1) „Всю новую живопись сдѣлать темнѣе, на всѣхъ образахъ золотыя украшенія исполнить тщательнѣе, перспективу и пейзажи сдѣлать легче и не такъ рѣзкими, равно и фигуры въ дальнихъ планахъ облегчить; 2) орнаменты, вмѣсто бѣлыхъ, написать желтыми, какъ было прежде; букеты цвѣтовъ между орнаментами совершенно уничтожить; 3) *оставшуюся старую живопись—портреты царей, великихъ князей и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить*; и 4) наконецъ, раку съ частями св. мощей на аршинъ отодвинуть отъ стѣны или перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ, чрезъ что откроется надгробный монументъ князя Константина Острожскаго, и самый памятникъ очистить отъ пыли“ [1]).

---

[1]) П. Г. Лебединцевъ. Возобновленіе стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. („Университетскія Извѣстія“, 1878 г, мартъ).

Г. Эртель игнорируетъ мнѣніе Солнцева, но за то ему въ высшей степени любезны мнѣнія комиссіи 1843 года, которая въ параграфѣ 4 своего заключенія говоритъ: „Нынѣ не осталось уже ни одного предмета для сравненія, по которому комиссія могла-бы произнести рѣшительное мнѣніе на счетъ достоинства настоящей живописи

Вотъ голосъ компетентнаго лица и настоящаго ученаго. Способъ выраженій его точенъ, простъ и ясенъ—черта, характеризующая подлиннаго знатока и спеціалиста. Въ немногихъ словахъ онъ охватываетъ всю сущность предмета. Многимъ, мнящимъ себя знатоками въ дѣлахъ искусства, для того чтобы умѣрить свой разрушительный пылъ, слѣдовало бы поучиться у этого стараго археолога если не знаніямъ, то по крайней мѣрѣ *осторожности*.

Къ этому безусловно авторитетному заключенію Ѳ. Г. Солнцева должно присоединить не менѣе цѣнное заключеніе комиссіи, составленной изъ среды членовъ церковно-археологическаго общества, по осмотру лаврской живописи въ 80-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Комиссія, хотя и не высокаго мнѣнія о живописи, но, тѣмъ не менѣе, пришла къ такому рѣшенію относительно портретовъ, что они, и при всемъ своемъ несовершенствѣ и противорѣчіи съ древнимъ росписаніемъ, представляютъ извѣстный историческій интересъ и нѣкоторыя части этой живописи *заслуживаютъ сохраненія*" [1]). Кромѣ того, было

въ отношеніи оной къ прежней, ибо живописные остатки, еще не обновленные на нижней части стѣнъ большого храма, такъ почернѣли отъ времени, или пострадали отъ обвалившейся на нихъ штукатурки, что судить о ихъ бывшемъ достоинствѣ нѣтъ никакой возможности", а передъ этимъ въ параграфѣ 3 сказано, что „*весь иконостасъ* и всѣ св. иконы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ церкви, остались неприкосновенными". Читатель можетъ видѣть изъ сохранившихся фотографій портретовъ, что живопись «на нижней части стѣнъ» была довольно ясна, но комиссія, включавшая въ своемъ составѣ «спеціалиста» —учителя рисованія Капитона Павлова, вѣроятно, не сочла нужнымъ внимательнѣе осмотрѣть находившуюся въ темномъ углу старую живопись.

[1]) Не могу не замѣтить, что мнѣніе комиссіи о портретѣ Петра I лишено всякаго серьезнаго основанія. Въ заключеніи комиссіи сказано, какъ бы въ доказательство, что портреты всѣ вообще «вымыселъ плохописцевъ прошлаго вѣка», что фигура Петра I изображена «въ вымышленномъ псевдо-классическомъ одѣяніи». Во первыхъ, характеръ одѣянія не имѣетъ никакого отношенія къ качеству работы

рѣшено, что „со всѣхъ остатковъ живописи XVIII в., которые по иному или другому случаю пришлось бы подвергнуть уничтоженію, *должны быть сняты предварительно точныя копіи* [1])“.

Наконецъ, гр. П. С. Уварова, сознавая всю важность потери благодаря „реставраціи“ лаврской церкви, въ своемъ заключительномъ словѣ XI археологическому съѣзду считаетъ подобные способы „сохраненія“ памятниковъ вопросомъ давно наболѣвшимъ и самымъ постыднымъ въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства.

Изъ приведенныхъ мною авторитетныхъ мнѣній читатель можетъ убѣдиться, что уничтоженіе живописи совершено произвольно и безъ одобренія какихъ-бы то ни было дѣйствительно компетентныхъ лицъ.

Въ заключеніе, не могу не сдѣлать замѣчанія по поводу нѣсколько странныхъ полемическихъ пріемовъ г. Эртеля. Въ вопросѣ о памятникахъ искусства Кіево-Почерской лавры г. Эртеля, повидимому, занимаютъ гораздо больше отношенія къ какимъ то лицамъ „извѣстной группы“, чѣмъ самые предметы искусства. Этимъ только и можно объяснить то странное обстоятельство, что въ своемъ письмѣ, посвященномъ вопросу о реставраціи лавры, г. Эртель удѣляетъ самое видное мѣсто моимъ пріятельскимъ отношеніямъ съ Е. М. Кузьминымъ. Если г. Эртель думаетъ, что онъ изобрѣлъ нѣчто новое и оригинальное, то это непростительная ошибка, потому что этотъ самый литературный пріемъ получилъ свою окончательную форму еще

художника, а во вторыхъ, комиссіи должно было быть извѣстно, что на всѣхъ лучшихъ портретахъ, какъ напримѣръ Кнеллера, Купецкаго, Танауэра, Натье и наконецъ, на превосходномъ портретѣ Моора преобразователь Россіи представляется въ этомъ «псевдо-классическомъ одѣяніи». Лаврскій портретъ Петра I подходитъ ближе всего къ типу Купецкаго, 1711 г. (ср. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. III, Спб. 1888 г. стр. 1563).

[1]) Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры. (Труды К. Д. академіи 1900 г. апрѣль).

подъ перомъ извѣстнаго Ѳ. Булгарина. Впрочемъ, если г. Эртель считаетъ, что мои отношенія къ кому-нибудь могутъ имѣть какой-либо общественный интересъ, то ужъ конечно гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы брать на себя безполезный трудъ будущихъ доказательствъ незначительности и нехудожественности памятника Острожскаго, заняться ему моей біографіей—это онъ можетъ сдѣлать, „если можно такъ выразиться, чисто эмпирически", что еще болѣе подтвердитъ ту „печать индивидуальности, которая лежитъ на его работахъ".

Изслѣдованія и раскопки.

Н. Е. Бранденбургомъ за истекшее лѣто были произведены раскопки въ Полтавской, Кіевской и отчасти Подольской губ. Всего разрыто до 50-ти кургановъ, большинство которыхъ, къ сожалѣнію, оказалось разграбленнымъ еще въ древности, такъ что и научный матеріалъ, добытый въ курганахъ, былъ не особенно великъ.

О раскопкахъ *въ Полтавской губ.* (у с. Аксютинецъ) мы уже сообщали (см. «Лѣтопись», іюнь наст. года).

Въ Кіевской губ. раскапывались курганы скифо-сарматской эпохи у сс. Пастырскаго и Оситняжки, Чигиринскаго у. Въ одной изъ разоренныхъ могилъ у Оситняжки найдена золотая проволочная серьга въ видѣ кольца; затѣмъ, фалангъ пальца съ двумя кольцами изъ толстой серебряной проволоки, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ, остатки желѣзнаго молотка и нѣсколько терракотовыхъ черепковъ. *Въ* Черкасскомъ у, у с. Макіевки, изъ 9-ти разрытыхъ кургановъ, только въ одномъ могила оказалась въ цѣлости, но за то безсодержательная; въ ней заключался небольшой дубовый срубъ (1×2 арш. внутри), съ такимъ-же дномъ и крышей, на днѣ сохранились лишь слѣды костяной пыли отъ двухъ, лежавшихъ рядомъ, скелетовъ и найдены два бронзовыхъ проволочныхъ колечка, пряслица, бронз. удила, обломки желѣза и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ. Изъ скудныхъ находокъ въ прочихъ разоренныхъ курганахъ интересны только экземпляры глиняныхъ сосудовъ съ вырѣзаннымъ орнаментомъ, заполненнымъ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, такъ что получался бѣлый

орнаментъ на черномъ фонѣ—типъ орнамента, извѣстный въ Штиріи, Венгріи, Балканскихъ странахъ и другихъ мѣстахъ Зап. Европы

На Днѣстрѣ, *въ Подольской губ.*, возлѣ с. Кузьмина, Ольгопольскаго у., раскопанъ большой курганъ, имѣвшій болѣе 70 саж. въ окружности и 6 арш. высоты. Но въ такой громадной насыпи оказались только 3 могилы со скорченными скелетами, положенными на глубинѣ всего около 3 арш. отъ вершины въ ямахъ, покрытыхъ толстымъ дубовымъ накатникомъ; у двухъ скелетовъ черепа были окрашены ярко-красной краской, но вещей не оказалось никакихъ.

—

У с. Глубочка, Уманскаго у., Кіевской г., В. Н. Доманицкимъ, въ началѣ августа, раскопанъ курганъ, расположенный на дорогѣ изъ с. Колодистаго въ с. Глубочекъ. Окружность кургана—22 саж., высота 2 арш.; по основанію курганъ обложенъ глыбами булыжника, ширина этой каменной кладки достигаетъ мѣстами 2—3 аршинъ; причемъ, въ крайнемъ (отъ поля) ряду камень уложенъ въ одинъ слой, а по направленію къ ямѣ—въ 2 и 3 ряда; кладка производилась на самой почвѣ. Непосредственно за каменной грядой началась выемка: земля оказалась снятой вглубь на $1^1/_2$ арш. на всемъ пространствѣ, заключенномъ внутри. Затѣмъ, въ центрѣ этой выемки оказалась погребальная яма, въ формѣ удлиненнаго эллипсиса (3 арш. длины, $1^1/_2$ арш. шир. и 2 арш. 12 верш. глуб.). Къ сожалѣнію, какъ это было замѣтно уже въ началѣ раскопки, курганъ оказался раскопаннымъ кладоискателями: лежавшій на днѣ ямы костякъ частью сдвинутъ съ первоначальнаго мѣста, но по костямъ, оставшимся нетронутыми, можно было опредѣлить его положеніе: головой на W, съ вытянутыми ногами и руками. У костей найдена шиферная пряслица, обломокъ желѣзнаго ножика съ частью деревянной ручки и зеленая бусина изъ композиціи, четыреугольной формы.

—

Въ слододѣ Сенькoво, Купянскаго уѣзда Харьковской губ., въ 1898 г., Е. Рѣдинымъ и Е. Трифильевымъ осмотрѣнъ и частью раскопанъ курганъ, въ которомъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была открыта пещера «съ искусственно возведеннымъ сводомъ». Въ 12-мъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества» (Харьковъ, 1900 г.), помѣщены отчетъ Е. Рѣдина о раскопкѣ и составленное Н. А. Федоровскимъ описаніе и изслѣдованіе добытаго матеріала.

Какъ оказалось, никакой «пещеры» въ курганѣ не было, а образовался небольшой обвалъ насыпи при копаніи могильной ямы на площади кургана,—могильными ямами послѣдняго времени занято уже около половины кургана. По изслѣдованіи части кургана, гдѣ была вырыта яма (обслѣдовать весь курганъ не представилось возможности), обнаружены слѣды погребенія, нарушеннаго гробокопателями; это были части скелета, при которомъ находились: кости коровы, овцы и свиньи, куски дерева, кусочки красной краски, фрагменты каменныхъ шлифованныхъ орудій, кремневые осколки, глиняные черепки отъ сосудовъ съ орнаментомъ ямочками и веревочкой и бронзовый ножикъ, 9 стм. длиной.

На основаніи находокъ, курганъ можно отнести къ типу погребеній съ окрашенными скелетами, въ большомъ числѣ обнаруженныхъ въ другихъ мѣстахъ южной Россіи, въ Харьковской же губерніи — впервые.

—

Раскопки Ольвійскаго городища. Истекшимъ лѣтомъ проф. Кулаковскимъ, по порученію Имп. Археолог. Коммиссіи, производились раскопки на одной изъ улицъ с. Парутина (Одесскаго у. Херсонской губ.), ведущей къ Ольвійскому городищу. Здѣсь обнаружено кладбище населявшихъ Ольвію древнихъ грековъ. Въ разрытыхъ могилахъ, только въ трехъ оказалось трупосожженіе, въ массѣ же другихъ покойники были погребены. При покойникахъ найдена античная посуда изящныхъ формъ, иногда украшенная рисунками, небольшіе сосуды изъ разноцвѣтнаго стекла, монеты и другіе предметы обихода древнихъ грековъ. («Кіевл.»).

—

Раскопки на островѣ Березани. Предсѣдателемъ Херсонской губернской ученой архивной коммиссіи Г. Л. Скадовскимъ, лѣтомъ н. г. производились раскопки на островкѣ Березани, лежащемъ въ морѣ, вблизи г. Очакова. Островокъ этотъ изобилуетъ памятниками древне-греческой культуры. Добытые раскопками предметы предназначены для Херсонскаго музея. («Югъ»).

Музеи и собранія древностей.

Естественно-историческій музей Полтавскаго Губернскаго Земства. Въ настоящемъ году музей заканчиваетъ первое десятилѣтіе

своего существованія, а потому мы считаемъ современнымъ удѣлить ему нѣсколько строкъ, пользуясь свѣдѣніями, помѣщенными въ книжечкѣ, заключающей описаніе коллекцій музея (Полтава, 1900 г.). По времени возникновенія, Полтавскій музей является первымъ въ нашемъ краѣ музеемъ, типа областныхъ или погубернскихъ музеевъ. Мысль объ устройствѣ такого музея подалъ земской управѣ проф. В. В. Докучаевъ, производившій почвенныя изслѣдованія губерніи. Земская управа, въ докладѣ очередному губернскому собранію, въ 1890 г., указала на значеніе и задачи мѣстныхъ естественно-историческихъ музеевъ и представила проектъ организаціи музея, составленный на основаніи нормальнаго устава мѣстныхъ земскихъ естественно-историческихъ музеевъ, выработаннаго по иниціативѣ В. В. Докучаева С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей. Докладъ былъ принятъ собраніемъ, назначены средства на устройство и содержаніе, приглашенъ завѣдывающій (кандидатъ естественныхъ наукъ М. А. Олѣховскій) и въ 1891 г. отведено особое помѣщеніе для музея. Съ того времени музей начинаетъ правильно функціонировать, постепенно пополняясь, служа двумъ цѣлямъ: просвѣтительной и практической. Въ настоящее время въ музеѣ имѣется болѣе 17-ти тысячъ предметовъ; большинство ихъ составляютъ естественныя коллекціи (по геологіи, минералогіи, палеонтологіи, ботаникѣ, зоологіи) затѣмъ коллекціи, служащіе для практическихъ цѣлей (образцы полезныхъ ископаемыхъ, модели орудій, коллекціи по шелководству, по кустарнымъ промысламъ и т. п.). наконецъ, есть коллекціи и по культурной исторіи края. Начало археологическому отдѣлу было положено въ 1891 г., пріобрѣтеніемъ у мѣстнаго любителя И. А. Зарѣцкаго коллекціи древностей; теперь этотъ отдѣлъ, хотя и не особенно великъ, но все-таки даетъ понятіе о ступеняхъ культуры, чрезъ какія прошло человѣчество, причемъ большинство остатковъ старины мѣстнаго происхожденія. Изъ послѣдняго отчета музея (за 1898 г.) видно, что земствомъ, совмѣстно съ городомъ, устроено новое зданіе для музея (гдѣ будетъ помѣщаться также общественная библіотека); отсутствіе соотвѣтствующаго помѣщенія въ значительной степени тормозило развитіе музея,—препятствіе это теперь устранено и можно пожелать музею, при вступленіи въ новое десятилѣтіе, еще большаго успѣха въ тѣхъ просвѣтительныхъ задачахъ, которымъ онъ служитъ.

—

Собраніе древностей Подоліи. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ помѣщеніи Каменецъ-Подольской городской управы, состоялось подъ предсѣдательствомъ заступающаго мѣсто городского головы *М. А. Трублаевича*, совѣщаніе по вопросу объ учрежденіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ общественнаго музея древностей Подоліи, на которомъ присутствовали мѣстные изслѣдователи и любители подольской старины. Иниціаторъ дѣла—М. А. Трублаевичъ доложилъ собранію всю исторію даннаго вопроса, а также выработанный имъ проектъ устава будущаго музея, примѣнительно къ нормальному уставу губернскихъ и областныхъ музеевъ, а равно и къ тѣмъ указаніямъ, которыя были получены имъ въ результатѣ предварительныхъ сношеній съ Московскимъ археологическимъ обществомъ, въ лицѣ его предсѣдателя—графини П. С. Уваровой. Докладъ М. А. Трублаевича вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей, причемъ рѣшено на первыхъ порахъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ о передачѣ въ вѣдѣніе будущаго музея епархіальнаго «Древнехранилища», а передъ губернскою администраціею—объ отводѣ соотвѣтственнаго помѣщенія для музея въ ремонтируемомъ нынѣ по-доминиканскомъ зданіи, въ коемъ, по проекту распредѣленія помѣщеній между разными учрежденіями, предположено дать мѣсто и епархіальному «Древнехранилищу». Затѣмъ, рѣшено заблаговременно снестись съ извѣстными въ губерніи любителями старины, археологами, нумизматами и коллекціонерами, въ цѣляхъ заручиться съ ихъ стороны необходимымъ содѣйствіемъ и помощью въ дѣлѣ скорѣйшаго осуществленія намѣченнаго плана по устройству музея. Проектъ же устава и вообще все это симпатичное дѣло предположено внести въ обсужденіе мѣстной городской думы. (Под. Губ. Вѣд.)

—

Проектъ Конотопскаго уѣзднаго земскаго музея. Нами полученъ докладъ (отъ 27 августа с. г.) Конотопской Уѣздной Земской Управы очередному уѣздному Собранію слѣдующаго содержанія. „Согласно предложенію г. предсѣдателя Конотопскаго Земскаго Собранія К. Ѳ. Кулябки, Земское Собраніе сессіи 1899 года постановило поручить Управѣ выработать къ предстоящему очередному собранію проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея и просило гласнаго А. М. Лазаревскаго принять участіе въ разработкѣ означеннаго вопроса.

Во исполненіе постановленія Земскаго Собранія, Земскою Управой, въ засѣданіи 21-го іюля с. г., при участіи гласныхъ А. М. Лазаревскаго, Л. Н. Кандибы и А. В. Соколовскаго выработанъ нижеслѣдующій проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея:

I. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ истребленія памятники мѣстной старины, письменные акты, вещественные предметы, дѣла и бумаги общественныхъ учрежденій, однимъ словомъ, всѣ тѣ данныя, которыя такъ необходимы для изученія и пониманія не только прошлой но и настоящей жизни мѣстнаго края, желательно учрежденіе при Конотопской Земской Управѣ собранія мѣстной старины или историческаго музея.

II. *а*) Въ музей должны войти всякаго рода памятники мѣстной старины, какъ письменные, такъ и вещественные, а равно предметы, хотя и составляющіе принадлежность настоящаго обихода, но имѣющіе непосредственную связь со стариной. *б*) Въ собраніе письменныхъ памятниковъ должны войти всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: гетманскіе универсалы, оффиціальныя и частныя переписки, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Время составленія сихъ актовъ ограничивается 1861 годомъ. Сюда-же должны войти разнаго рода бумаги общественныхъ учрежденій, сохранившіяся внѣ архивовъ, а равно дѣла мѣстныхъ мировыхъ учрежденій за время 1861—1863 гг. *в*) Вещественные памятники составляютъ: старинныя иконы, всякаго рода оружіе, предметы домашняго обихода, портреты, картины... *г*) Предметы стариннаго производства: узоры на одеждахъ и пасхальныхъ яйцахъ (писанки), гончарныя издѣлія разныхъ оригинальныхъ формъ. *д*) Желательно собрать въ музей всѣ тѣ печатныя сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ исторію мѣстности, занимаемой Конотопскимъ и сосѣдними съ нимъ уѣздами. *е*) Желательно собрать свѣдѣнія о существующихъ въ уѣздѣ могилахъ, городкахъ и другихъ памятникахъ, имѣющихся на поверхности земли. При этомъ весьма интересно было-бы получить описанія этихъ памятниковъ съ планомъ ихъ расположенія, причемъ, на планъ должны быть нанесены находящіяся вблизи этихъ памятниковъ рѣки и яры. Примѣчаніе: при собираніи свѣдѣній о могилахъ, городкахъ и другихъ мѣстныхъ памятникахъ, существенную помощь могли-бы оказать учителя народныхъ школъ; они-же могли-бы собирать и памятники

народнаго творчества: пѣсни, сказки, поговорки и т. п., собраніе каковыхъ произведеній могло-бы составить особый отдѣлъ въ музеѣ.

Въ III и IV пунктахъ говорится о томъ, что музей долженъ находиться при Конотопской Уѣздной Земской Управѣ и быть въ вѣдѣніи председателя Управы или одного изъ ея членовъ и что всѣ поступающіе въ музей предметы должны вноситься въ инвентарь. V-ый пунктъ гласитъ слѣдующее: «По полученіи разрѣшенія на учрежденіе при Конотопской Земской Управѣ мѣстнаго историческаго музея, Земская Управа должна ознакомить населеніе уѣзда съ цѣлью учрежденія музея и его задачами, а также принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ сохраненію отъ истребленія памятниковъ мѣстной старины и къ пополненію музея». Въ заключеніе Управа испрашиваетъ на устройство музея небольшую (всего 100 руб.) сумму.

Мы умышленно привели почти цѣликомъ настоящій проектъ, такъ какъ онъ, особенно по отношенію къ письменнымъ памятникамъ, можетъ служить образцомъ и для другихъ подобнаго рода музеевъ. Конотопскій музей, если онъ осуществится, будетъ первымъ въ нашемъ краѣ уѣзднымъ музеемъ. Такому развитію музейнаго дѣла можно только порадоваться. Если сосредоточиваніе памятниковъ старины въ центрахъ имѣетъ свои преимущества, то не меньшее значеніе представляетъ устройство и провинціальныхъ небольшихъ хранилищъ: обнимая меньшій районъ, будучи ближе къ мѣстнымъ памятникамъ, такого рода учрежденія будутъ только способствовать детальной разработкѣ исторіи края и сохраненію остатковъ его прошлой жизни.

—

Екатеринославскій музей. Подъ такимъ заглавіемъ нѣкто Петръ Южный помѣстилъ въ № 924 «Приднѣпр. Края» статью, гдѣ приводитъ историческую справку о возникновеніи идеи Екатеринославскаго музея и снова поднимаетъ вопросъ объ его устройствѣ.

«Ровно 20 лѣтъ тому назадъ, говоритъ г. Южный, въ 1880 году, при губернской земской управѣ основанъ былъ изъ остатковъ губернской выставки музей. Черезъ 3 года, въ 1883 году, на съѣздѣ естествоиспытателей въ Одессѣ нашъ соотечественникъ К. Г. Лавриченко сдѣлалъ докладъ о необходимости учрежденія погубернскихъ естественно-историческихъ и техническихъ музеевъ. Мысль Лавриченко чрезвычайно понравилась членамъ съѣзда и затѣмъ нѣсколько позднѣе она была привита въ Нижегородской губерніи, научныя изслѣдованія

въ которой производились, по приглашенію земства, лицами, участвовавшими въ одесскомъ съѣздѣ.

Прошло 20 лѣтъ. Что-же сдѣлано въ этомъ направленіи нашимъ земствомъ. Въ 1885 году учредили педагогическій музей, истратили на него около 10 тысячъ руб. и затѣмъ закрыли, роздавъ жалкіе остатки предметовъ въ нѣкоторыя учебныя заведенія. Около этого-же времени поднятъ былъ вопросъ о юбилейной преміи за два сочиненія—по естественно-историческому и историко-географическому описанію губерніи. Но и эта затѣя потерпѣла крушеніе. И мы до сего дня не имѣемъ чего-нибудь подходящаго по исторіи и научному описанію нашего района, являющагося одною изъ богатѣйшихъ горнопромышленныхъ областей не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Такъ продолжаться долѣе не можетъ, не должно. Пора устыдиться американствующему краю и въ серьезъ приняться за осуществленіе идеи, насчитывающей уже нѣсколько десятилѣтій со времени своего рожденія. Разбираясь въ историческомъ матеріалѣ, мы можемъ увидѣть, что начало музею положено, собственно говоря, еще 50 лѣтъ тому назадъ. Извѣстный екатеринославскій губернаторъ Фабръ (1847—1858 гг.) основалъ въ Екатеринославѣ «Музей древностей Екатеринославской губерніи»; музей былъ богатъ и коллекціями минераловъ, и остатками старины, и предметами растительнаго и животнаго царствъ. Такъ какъ помѣщеніе городской думы въ то время было слишкомъ мало, то музей находился въ потемкинскомъ дворцѣ, при депутатскомъ собраніи. Что сталось съ нимъ въ позднѣйшія времена, мы не имѣемъ о томъ свѣдѣній...».

Въ дальнѣйшемъ, авторъ, относясь скептически къ учрежденію музея земствомъ или городомъ, предлагаетъ обратиться къ частной иниціативѣ, причемъ изъ статьи видно, что самъ авторъ является иниціаторомъ этого дѣла: «Уже первые шаги сдѣланы нами. Мы обратились кое къ кому изъ имѣющихъ вліяніе въ мѣстномъ обществѣ съ предложеніемъ организовать комитетъ по изысканію средствъ для пріобрѣтенія богатой коллекціи археологическихъ предметовъ, принадлежавшихъ А. Н. Полю, и для постройки спеціальнаго зданія музея памяти А. Н. Поля. Въ настоящее время нами ожидаются отвѣты отъ спеціалистовъ-археологовъ съ опредѣленіемъ цѣнности музея А. Н. Поля

Когда выяснится вопросъ о стоимости и значеніи для нашего края коллекція А. Н. Поля, тогда будетъ приступлено къ практическому осуществленію намѣченной нами цѣли».

Обращаясь затѣмъ къ отзывчивости всѣхъ интеллигентныхъ слоевъ мѣстнаго общества и приглашая ихъ принять участіе въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ, г. Южный высказываетъ увѣренность, что музей будетъ учрежденъ. Дѣйствительно, Екатеринославу давно-бы пора обзавестись мѣстнымъ естественно-историческимъ музеемъ, всѣ данныя для этого—налицо.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина".

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24 октября 1900 г.

Типографія Императорскаго Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.